Легенда о травнике

Котов Богдан

Богдан Котов

Легенда о травнике

«Автор»
2026

Котов Б.

Легенда о травнике / Б. Котов — «Автор», 2026

В отрезанную от королевства деревню движется караван. Местный травник Агний и его дочь Эбигейл готовятся к ярмарке, где должна постичь свою судьбу приговорённая к казне ведьма. Необъяснимое стечение обстоятельств приводит к её побегу, а также к пропаже Эбигейл. Её близкие отправляются на поиски, в которых им предстоит встретиться не только с неизведанной магией, но и с собственной тайной прошлого.

© Котов Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Богдан Котов
Легенда о травнике

Пролог

Пузыри поднимались со дна озера. Кроваво-бордовые платья бродили по каменистому берегу, вскинув к звёздному небу факелы: одни девушки били стопами по воде, разгоняя круги — другие кружились в танце. Искры метались из стороны в сторону, прыгали на голые плечи, на кудрявые локоны и белоснежные руки.

На дне утопал юноша. Его ноги скрутили водоросли, и как бы он не пытался выплыть — они всё сильнее тянули его во тьму.

На пирсе шептались старик и высокий тёмный силуэт, пока за их спинами, сжав в руках масляные лампы, ёрзала толпа.

— Прыгайте уже кто-нибудь! — крикнул старик с густой, обугленной бородой.

Платья замерли. Круги на воде ударились друг о друга в последний раз и в глади озера отразилось бурлящее полнолуние.

Силуэты переглянулись и, кивнув, один из них нырнул, рассекая водную гладь.

Ровно сто лет назад на этом месте казнили первую чародейку. У неё не было имени, не было дома, друзей или знакомых, её не знали ни в одной деревне и ни в одном королевстве. Она появилась словно из ниоткуда, и глаза её, не от мира сего, сводили людей с ума.

«Чародейка!» — кричали родители увядшего в её чарах сына.

В день казни у озера собралась толпа. Словно бабочку, её обернули в тряпки и обвязали верёвками. Стража мечтала увидеть ужас в её глазах, что снились в ночных кошмарах каждому, смевшему на неё посмотреть. Остриё кинжала впилось в ткань и уткнулось в холодную плоть, цепляя её за собой.

Лезвие замерло. С порезанных бровей на тёмно-зелёные глаза стекала алая кровь.

Трясущимися руками стража толкнула чародейку в озеро, но каждый парень, поймавший на себе её взгляд, прыгнул вслед. Они пытались вытащить её, но стража била факелами по озябшим рукам, цепляющимся за пирс. В тот день на дно ушли девять человек. Девять невинных душ, за которые люди уже сто лет мстят магическому отродью.

Вдруг, со дна показался мужчина. В свете любопытных фонарей его можно было хорошо разглядеть: высокий, с отросшими смоляными волосами, покрывавшими его взгляд. Нос с горбинкой и прижатый к груди подбородок, под которым наполнялась с каждым вдохом изувеченная битвами грудь. Он нёс на спине юношу, перекинув руки его через плечи. Вскоре скованный ужасом парень оказался на пирсе — упал и жадно начал глотать ночной воздух.

— Ты ещё мал. — склонился над ним старик.

Его седая борода блестела в свете луны. В руках он держал небольшой лист и карандаш. Последнее имя было вычеркнуто.

Девушки на берегу опустили факелы и склонили головы перед старейшиной, когда он подошёл к глади озера.

— С сожалением сообщаю, что сегодня ни один из участников не прошёл испытание озером чародеек! Вы все знаете — чтобы попасть в ряды охотников необходимо самостоятельно выплыть со дна. Смышлёные молодые люди, — он громко, показательно прочистил горло — настоятельно рекомендую усиленно тренировать силу воли, а не навыки гребли!

Его речь походила на командирскую, чётко выстроенную и подготовленную, и даже хохот, коим он разорился в конце, не отнял у него величия. Резко он развернулся к толпе, приводившей юношу в чувства.

— Все, кто сегодня не справился — вы можете пробовать через год! Благо, вы все сегодня вышли невредимыми! Помните, королевству не хватает охотников! Охотников на чародеек сегодня не прибавилось, а про охотников на ведьм я даже начинать не буду!

В древних легендах говорилось о силе ведьм. О том, что их чары могут заковать тебя навеки в пустоте. Смерть становилась долгожданным гостем для каждого, кто встречался с чарами ведьмы.

Чародеек было принято сравнивать с озером — мол, противостоять им настолько сложно, насколько сложно выплыть с самого дна. Однако, чародеек боялись не все. В озере было всего два исхода: выжить или умереть — любой верный солдат был готов к такой участи и на обычной войне.

С ведьмами обстояло иначе.

Выжившие никогда не оставались прежними. Словно запертые в горящей избе, они бились руками в окна, пролезая по раскалённым углям животами. Вдыхали едкий тёмный дым и били изо всех сил по запертым дверям, пока льняные рубахи, точно коконы, вгорали в спины и сжимались от языков пламени вокруг шеи.

«И только прошедший чрез ад досрочно готов бороться за рай на Земле!» — кричали священники у горящей избы каждый раз, когда начиналось испытание. Последнее испытание, предназначенное званию охотника на ведьм. Всем селом ссыпали солому в дом претендента, вязали вместе руки и ноги, а затем — жгли.

Процессия подходила к концу. Взмахом руки старик разделил толпу на две части и размеренным шагом двинулся к колонне повозок, стоявшей на выезде из деревни. Матери лелеяли юношей, нахлебавшихся ледяной воды, а молодые девушки шептались у озера, сверкая глазами в ночи.

— По небылице? — крикнул трактирщик и вскинул над толпой деревянную кружку.

Зелье ударилось о стенки и перелилось через край. Экстракт полевых цветов с нотками дикого мёда, терпкий по одному только запаху, придал силы застоявшимся людям и, все как один, они направились в трактир.

— Ты хочешь что-нибудь, Феня? — раздался тёплый, родительский голос.

— Выспаться хочу. – выжал юноша мокрую рубашку. – Завтра стрельба из лука.

На вид совсем молодая девушка в голубом платье держала под руку сына, что был на полторы головы выше неё. Её золотая коса болталась с каждым шагом в сторону дома, пока раскидистые берёзы шелестели свою лесную колыбельную.

— Никак не могу свыкнуться с мыслью, что к концу лета тебе уезжать в академию. Отдыхай, пока у тебя есть время, твой отец не знал такой свободы.

— И чем это кончилось?

За дерзость слов прилетело ему по затылку холодной ладонью. Юноша почесал макушку.

— Не держи зла, он ради тебя не знал покоя. Вот в кого твой брат пошёл...У них даже брови с отцом одинаковые! — посмеялась она.

Звёзды мелькали меж крон, а в воздухе так и стоял терпкий запах, тянущийся из дверей трактира. Он питал собой ночной воздух, обволакивал свет масляных ламп и тёк по холодной земле в сторону небольшого дома на окраине деревни. Девушка смотрела на звёзды, а юноша следил за постепенно угасающим под ногами светом. Вот, казалось, стоит им сделать ещё один шаг и башмаки окутает тьма, как вдруг тусклый луч упал прямо на его носок. Оба подняли глаза на дом, из которого лился свет.

— Ты забыл потушить лампу, Феофан? — прозвучал настороженный голос.

— Надеюсь, забыл.

В залитых светом окнах мелькали силуэты. Девушка остановилась. Подол платья качнулся вперёд и ударился о прямые, замершие ноги, как вдруг дверь отворилась. На пороге показался седобородый старик, внимательно вчитывающийся в бумажный свёрток.

— Феофан? — крикнул он юноше, но не получил ответа.

— Что вы делаете в моём доме?! – поверх зелёных глаз сверкнуло нечто, подобное искрам пылающего костра. Она ступила вперёд и поймала на себе пристальный взгляд старика.

— Ваш сын поступает на охотоведение. Крайне, крайне похвально. — он отложил лист в сторону. — Видите ли, я хотел бы лично поспособствовать его скорейшему поступлению.

Феофан чувствовал неладное: в воздухе больше не пахло трактиром, не доходил шум танцев. Словно звуки и запахи поглощало невидимое глазу — точно они стояли в толпе людей, а не посреди глухого леса. Вдруг, нечто колыхнулось во тьме, робко выдохнуло и наклонилось чуть дальше положенного. Феофан хотел было потянуться за лезвием, вшитым в сапог, но его руку схватила мать.

— Я делаю вам большое одолжение, миссис Лилия, вы знаете это.

Феофан с недоумением глядел то на старика, вытянувшего вперёд ладонь, то на мать, в ужасе шептавшую что-то под нос. Дрожащей рукой она подтолкнула сына вперёд.

— Не переживай, просто иди, я тебя догоню. — прощебетал ласковый, осипший голос.

— Но я не хочу идти! Я не оставлю тебя здесь од...

Вдруг, дряблая, годами пропитанная маслом и чернилами рука вцепилась ногтями поверх рта Феофана и с неистовой силой потащила брыкающегося юношу в сторону дома. Тени сорвались с цепей: первыми пробили тьму сверкающие копья, окружившие Лилию, за ними на свет появились охотники в тёмных одеяниях.

Феофан изо всех сил пытался вырваться из цепкой хватки, но руки и ноги его словно не слушались. Сверкающие копья удалялись, пока дверь перед ним не захлопнулась. Наконец, он смог дышать, упал на пол и с первыми силами потянулся к выходу.

— Она была не худшей их тех, что мы встречали. — произнёс старик, шагнув перед дверью. — Мы знаем, что для неё важно чтобы ты не видел этого.

В груди Феофана, казалось, билось два сердца одновременно. Он мог поклясться, что кровь в его жилах закипает. Дыхание юноши начало напоминать хрип, а к глазам подкатывали горячие слёзы.

— Я тебя понимаю. — старик сел на корточки. — Ты ведь не злишься на фермера за то, что он выдирает сорняки из поля свеклы. На кузнеца, что сливает все примеси расплавленного железа в канаву ради чистого металла. Мы делаем свою работу и предлагаем тебе поехать с нами. Тебя ждёт прекрасное место в университете Северной звезды, ты найдёшь себе столько новых друзей, столько девушек. – старик прикрыл глаза и сладостно улыбнулся. — На факультете пекарного дела учатся настоящие румяные девицы, от которых веет ванилью и сахаром. Тебе ведь нравятся сладкие девушки, юноша?

Ни слова Феофан не расслышал из-за бесконечного биения сердца, что отдавало в уши и голову. Кончики пальцев начало колоть и, наконец, он смог ими пошевелить.

— Садите его в повозку. – скомандовал старик и подошёл к окну.

Четыре окутанные чёрной вуалью руки схватили юношу и поволокли по полу в конец коридора, как вдруг истошный женский крик раздался над деревней.

Ровно сто лет назад был основан первый университет изучения магии — Кровавая роза. Одним из первых открытий стало исследование передачи магических сил. Только девушки могли передавать и перенимать их в роду, мальчики рождались особенно слабыми и редко доживали до двенадцати лет. Переживших этот период считали спасителями рода и давали все возможности создать правильную, настоящую семью.

Некогда Феофану нагадали будущее, в котором он встречает девушку своей мечты и от неё действительно веет ванилью при каждой их неожиданной встрече. Он водит своих детей на охоту и занимается изделием фирменных шуб для исследователей севера. Девушка, что гадала ему в ту роковую ночь, всё глядела на заворожённого Феофана и улыбалась.

— Путь твой будет полон резких поворотов и кочек, но не сопротивляйся — шептала она, переворачивая последнюю карту.

Ему оставалось закрыть глаза и дать рукам унести себя в будущее. Пророчество, озвученное на берегу озера чародеек, эхом отдалось в голове. Прорицательница из воспоминаний протягивала руку — стоило лишь протянуть ей в ответ. От неё веяло обещанной ванилью и покоем, но сердце Феофана не жаждало этой жизни. Оно горело адским пламенем, стучало по голове изнутри и превращало грёзы в тлеющий пепел, оседавший в горле и удушавший юношу.

Руки отцепились от Феофана и испарились в поисках кувшина с водой, как вдруг старик вышел из комнаты.

— Ну и зрелище... — прошептал он под нос, затем обратился к Феофану — Понимаю, в горле может пересохнуть, я тебя не осуждаю. Ты ещё успеешь стать настоящим мужчиной, готовым преодолевать трудности с высоко поднятой головой!

Отец Феофана боялся, что мальчик не доживёт до своих лет. Было в нём нечто тёмное, уходящее корнями в самую преисподнюю. Нечто, о чём Лилия всегда спорила с отцом за закрытой дверью и просила обещания у маленького Фени — «никогда, ни за что не поддавайся тому, что есть внутри тебя».

Первобытная ярость жила в душе юноши. Она болезненно кипела в сердце, извергаясь в набухшие вены с каждым ударом, она загоняла разум в густой туман, щипала жаждавшее крови горло и кричала, кричала, кричала. И крик её был извне.

Старик похлопал Феофана по плечу и наклонился, протянув руку, как вдруг юноша вырвал лезвие из сапога.

Земля сотряслась, стоило первым каплям крови просочиться сквозь половицы. Природа всеми силами пыталась сдержать нечеловеческую ярость, но ей не было то под силу. Деревья отвернули кроны в стороны, Луна спряталась за облаками, а лесные животные, заметив в воздухе осколки треснувшей души, устремились прочь.

Перебравшие с небылицей жители не вспомнят, куда вмиг пропала семья. Почему поляну у развалин дома украшает дюжина кровавых роз. Им останется лишь смутное напоминание — клочок бумаги с аккуратно высеченным именем.

Лилия.

Глава 1

«Агний, я вынуждена тебе написать. Тётушки М не стало сегодня ночью. Бедная месяц мучилась в болезни, не хотела никому сообщать. Прощание состоится в субботу, но не мог бы ты выехать сегодня? Мне страшно оставаться в поместье одной. Я соберу к твоему приезду мёд с травами, проведём хотя бы один день как раньше. Думаю, ты понимаешь, что Эбигейл лучше оставить дома.

Тётушка М написала завещание, но велела не открывать его без тебя.

Буду ждать,

Александра.»

Последние лучи заката обжигали сложенное на столе письмо. Проезжающие за окном повозки то и дело воровали угасающее солнце в своих мешках, но оно выбиралось обратно. Агний смотрел в окно: он ждал, перетирая в труху высушенные на подоконнике лепестки. Закат разливался по начищенным колбам, что заполнили собой полки, печь и деревянные ящики — только стол, оберегавший письмо, был нетронут.

Входная дверь отворилась. В коридоре заскрипели половицы, запахло цветами. Через пару шагов в дверь протиснулся увесистый разноцветный букет. Изворочённые корни переплетали между собой бутоны цветов и ошкуренные ветки кустарников, за которыми скрывались чьи-то еле различимые черты.

— Теперь точно всё принесла! — послышалось за букетом.

Облегчение в её голосе перемешалось с усталостью и лёгкой хрипотой, точно после купания в холодной реке.

— Молодец, клади на стол.

Известие о смерти, розовое от лучей заката, в миг стало погребено под тяжестью цветов. Перед столом появилась девочка лет семнадцати, её чёрные волосы были полны облетевших лепестков, а путеводные линии на руках перечёркнуты бесчисленными царапинами. Потрёпанный временем охотничий костюм и пояс, на котором висели три пробирки бледно-оранжевой жидкости выделяли её среди толпы. Пока остальные девочки готовились к отъезду в академию лекарного дела, виноделия и шитья, Эбигейл лазила по лесам в поисках диковинных (как любил говорить её отец) растений. В деревне, самой отдалённой от близлежащего королевства, у молодых людей была одна цель — уехать как можно дальше. Её время было совсем близко, и она это знала, от того на душе стояла непреодолимая тревога.

— Тут всё, что ты просил. — девушка потёрла указательный палец. — Даже дурацкий златолист...

— Достать повязку, Эбигейл? — погладил он её по голове.

— Всё в порядке, крови не видно. — она обернулась к окну, в которое прежде был устремлён взгляд отца, — Кого-то ждёшь?

В комнате повисла тишина. Краем глаза Агний убедился, что письма из-под груды цветов не видно, сорвал пару высохших листьев и раздавил их в руках.

— Такое дело, Эбигейл...Мне нужно уехать. На день.

— Куда? — она сделала шаг вперёд и пробирки на её поясе звонко ударились друг о друга.

— У тётушки М кое-что случилось, ей нужна моя помощь.

— Не нужна. — голос Эбигейл вдруг стал несвойственно ей серьёзен. В недоумении Агний обернулся, стараясь найти в её глазах ответ. — Не нужна. — настойчиво повторила она, — Ты уверен, что тебе нужно ехать? Именно сейчас?

— Почему ты считаешь, что ей не нужна моя помощь? — скрестил руки Агний.

Эбигейл отвела глаза в сторону и начала выдёргивать из волос лепестки, пытаясь найти взглядом за что зацепиться. Провалившись под натиском удушающей тишины, она выдохнула и опустила руки.

— Отец, я… Я помню, что ты говорил мне не верить этим дурацким снам, но на днях мне привиделось, что тётушка М лежит в деревянном гробу! Не знаю, к чему это, но тебе не стоит ехать! Столько всяческого уже привиделось, и пусть большая часть бессмысленные кошмары — этот уж слишком вовремя.

Свежий ветер пробежал по ногам Агния, раскрывшего створки окна. Собираясь с мыслями, он смёл в ладонь гербарную пыль и развеял её над посаженными у окна подсолнухами.

— Эбигейл, я люблю тебя всем сердцем, поэтому прошу в последний раз, не разбивай мне его. Мне тоже приходят, видения, мысли, сны — как и всем. Это нормально, думать о том, что может случиться.

Порыв ветра потрепал тёмные волосы Эбигейл, сметая последнюю пару листьев.

— У тебя доброе сердце, — улыбнулся Агний, — поэтому ты постоянно думаешь о других. Главное, не принимай свои сны за истину. Вещих снов не бывает.

— Не бывает… — прошептала она под нос, — Хорошо, отец.

Агний расправил руки и заточил её в крепкие объятия, прежде чем пройти к печи с пробирками.

— Славно. Пока меня не будет, у тебя есть работа, нужно почистить корни и поставить отвары кипятиться. Вырученное с ярмарки золото тебя всю осень греть будет.

— Знаю. — она выдохнула и в глазах её ужасом отразилась сотня нетронутых колб, — Можно я схожу до Алисы? Мы вдвоём хорошо управимся. Дядюшку Феофана как раз проведаю.

Агний взял со стола бутылку с дребезжащим внутри пузырьком и, словно через призму, вгляделся в горку цветов.

— Конечно, заодно передай ему немного кровавой розы. Только смотри, он к полуночи вернётся за Алисой, так что из дома…

— Ни ногой! — посмеялась она, — Конечно, он её никогда не оставит!

Повозка подоспела через час. Повесив на пояс три, обёрнутые в кожаные чехлы, пробирки, Агний вышел на улицу. На его отъезд с недоумением смотрели из окон жители деревни. Травник в такой глуши был на вес золота: не все обладали роскошью доставать отвары в своём селе, что уж говорить о соседнем доме.

Кто захворал — для тех отвар из корня златолиста с мёдом. Кому на охоту — приходили за отваром кровавой розы. Приманки — да какие угодно! На здешних обитателей леса давно всё было сварено.

Через эту деревню лежал путь городского каравана. Раз в сезон жители устраивали ярмарку, когда все: от мясника до сапожника, собирались на главной площади с мешками добра и колотили свои небольшие стенды. Однако, ездили с города далеко не за сапогами и вырезками. Травник да лесничий — вот кого высматривали первым делом.

У первого, глядишь, появится отвар из редких растений, так его с руками оторвут. А платят за такое не серебром — золотом!

Пару месяцев назад на болоте утонул пьяница. Поняли это, когда на водной глади появился причудливый кроваво-зелёный бутон. «Сердце утопленника», как его называли в здешних краях, медленно билось, разгоняя круги по воде. В ночи оно тускло отдавало зелёным светом и привлекало к себе особо любопытных птиц, полёвок и сбежавших от рыщущих глаз влюблённых, что на него и наткнулись. Всей деревней пытались срезать бутон, чтобы травнику отдать на работу. Срезали. Неделю отмечали после того, как на ярмарке за него отдали целую повозку с провизией.

Сердце утопленника не встретить почти нигде. Говорят, если правильно его приготовить, всего капли достаточно, чтобы свести человека с ума. Развороченная душа утопленника будет приходить к нему каждую ночь и просить сердце обратно, пока тот его не отдаст.

Лесничим же обычно предлагали заказы с города и увозили с собой. Появится нечто в лесу: то корову утащит, то человека. Стража против людей в городе не особо справляется, а с чудовищем из глубин чащи уж и подавно.

Реже происходило и обратное — так и оказался здесь Феофан, старый друг Агния. Приехал по заказу в деревню на Лешего. Обычно все заказы его шли как раскалённый топор по маслу, но не этот. Никто не знает, что произошло той ночью в лесу. Следов Лешего больше в краях не видели, но Феофана тогда еле спасли. Эбигейл, тогда ещё маленькая девочка, нашла его искусанного и изрезанного у опушки леса. Говорят, даже чародейку пришлось вызывать... Только это секрет. С чародейками нынче особенно строго.

***

Плавная дорога сменилась кочками и ухабами. Это означало, что до деревни, где ждала Александра, оставалось совсем немного. Отсюда весь маршрут был усеян шишками вековых кедров и хвоей, что в тьме вечера различить можно было лишь по запаху. Колёса давили под собой иголки, а прохладный ветер поднимал аромат с земли. Извозчик отложил в сторону кнут и потянулся за куском чёрного хлеба с морковкой.

— Агний, слыхали уже про указ?

— Что за указ? — Травник перевёл свой взгляд с сверкающих ламп на морковку, хруст которой начал перебивать скрип колёс.

— Теперь с караваном будет ещё одна повозка ездить — тюремная! Чтобы перевозить приговорённую к казни чародейку из столицы. Как писал губернатор: «чтобы вселить страх и развеять порочное желание преследовать запрещённые знания магии»!

— Не кажется мне это хорошей идеей.

— Вот и я о том. Представьте! — Он хрустнул морковкой и в его руке осталась лишь попка, да длинная ботва. — Говорят, чародейку будут казнить в той деревне, где больше всего добра выкупят в город. Мол, награда такая. Тьфу!

Заговорившись, он не заметил, как вместо морковки начал жевать ботву. Смачно сплюнув на землю, он ударил заржавшую лошадь.

— Нужна нам такая награда... — Фыркул он, с размаху выкинув покусанную ботву в тьму ночи.

Деревня, в которой раньше жила тётушка М, была небольшой. Дом её, четвёртый по счёту, выделялся панорамными окнами, с которых открывался вид на роскошный яблоневый сад и менее богатых соседей, располагавших лишь парой-тройкой яблонь и общим колодцем на четверо имений. Однако, в их окнах мерцал свет, чего нельзя было сказать об одиноком доме, из трубы которого вяло карабкался дым. На веранде у дома мирно сопела девушка в тёмно-зелёном платье. Перед ней на столе тускло горела лампа, подсвечивая прикрытые веки.

Раньше здесь жила её мать — высокая девушка с миндальными локонами и глазами лисицы. Она постоянно ловила юркую курносую девочку за воровством яблок, а после они хохотали и пили чай с дымящимися кренделями на этой веранде. Агний приезжал сюда когда-то давно. Он успел застать и смерть матери, и, теперь, смерть тётушки М.

От скрипа лестницы веки девушки приоткрылись. Её взгляд упал на столь знакомые ей поясные пробирки.

— Привет, незнакомец. — сказала она вполголоса.

Александра изо всех сил пыталась не закрывать глаза, но усталость брала верх. Травник, дрогнувший от её голоса, подхватил девушку через плечо и отворил дверь, что своим скрипом заставила собак в соседнем дворе завыть.

В доме царили прохлада и аромат мёда с орехами. Александра ступала босыми ногами по лестнице, ведущей в главную спальню. С каждой ступенью она всё больше опиралась на травника, пока не сдалась окончательно.

— Всего пара ступеней осталась. — подталкивал её Агний.

Александра заглянула травнику в глаза. Взгляд её помрачнел, а ноги подкосились.

— Я знаю, Агний. — выдохнула она и упала от истощения прямо в его руки.

Тёмно-зелёный подол не успел коснуться пыльных трещин лестницы. Агний успел вовремя её подхватить и, преодолев последнюю ступень, оказался в спальне, откуда из панорамных окон виднелся окутанный ночью яблоневый сад. Кровать из красного дуба, тёмно-бордовые шторы, вязаный на заказ ковёр, который он когда-то привёз из порта «Худая русалка» и старое, измученное временем, настольное зеркало с туалетного столика — каждая вещь напоминала ему о прошлом. На второй полке снизу, где он и ожидал его увидеть, лежало аккуратно свёрнутое хлопковое одеяло. Тётушка М располагала парой таких, хотя одно на деревню уже считалось своеобразным богатством. Александра сопела, уткнувшись носом в подушку, тихо бубнила и ёрзала ногами, пока Агний не накрыл её одеялом.

— Не уходи, прошу тебя.

Ледяная дрожь пробежала по спине травника. Его взгляд остановился на лестнице, мысли окутал непроглядный туман. Стиснув зубы и сжав кулаки, он вслепую шагнул вниз, чуть не соскользнув со ступени.

— Подкину дров. — прошептал он, скрывшись во тьме.

Коридор до кухни украшали портреты: вот тётушка М пьёт вино рядом с вороным конём, за ней Александра собирает подснежники, дальше по коридору висит какой-то неизвестный травнику кузнец, а за ним... Агний замер и всячески вглядывался в картину, неспособный поверить своим глазам — на холсте стоял он. Он, Александра и ещё пятеро выпускников университета «Кровавая роза» держали в руках плетёные корзины с цветами. Среди букетов аккуратно лежали именные свитки выпускников направления «травы и отвары». Такие картины писали к каждому выпуску, но они всегда оставались на кафедре…

— Сколько же вы заплатили, чтобы её переписать… — взглянул он на даму с бокалом вина.

Агний смог отличить копию исключительно по цвету глаз Александры. На оригинале она постоянно ворочалась и чихала от пыльцы. Три часа пытались запечатлеть столь знаменательный момент. Солнце уже садилось и, видимо, било художнику в глаза, вот он и перепутал зелёный отблеск глаз Александры с золотым, а на этой картине всё было правильно.

«Вы знали, куда вкладывать свои сбережения, тётушка М», — подумал Агний, оторвав взгляд от картины. В печи тлели последние черенки.

Тётушка М любила Александру как младшую дочь, а Агния — как первого и единственного сына. У неё была своя дочь, но она умерла от чумы, будучи ребёнком. В этом доме всегда не хватало любви, пока на каникулы не стали приезжать в деревню юные травники с города. В окрестностях собирать было нечего, потому по ранней весне всех отправляли в деревни, где можно было поохотиться на нечто стоящее. По пути к кухне стояла приоткрытая дверь в библиотеку. Среди вплотную забитых полок он нащупал твёрдый том, размером с целый кулак, и положил его на стол.

Некогда по этим страницам они учились определять растения. С того времени произошло множество открытий, переворотов в травоведничестве и приготовлении отваров. Сейчас это издание молодые травники назвали бы старьём, пылью! Да только было среди этих страниц нечто особенное. В конце определителя поверх страниц были нарисованы самые редкие цветы этих краёв. Один из них — громоотвод обыкновенный, был не просто зарисован — рядом с ним лежал высушенный синий лепесток, обугленный по краям. Под ним было начертано:

«В любой развитой чаще леса есть семена громоотвода. Когда начинается гроза, семечки стремительно всходят. Было описано, как раскрывшиеся бутоны находили рядом с лабораториями, где взрывались пробирки. Значит, они реагируют на высвобождаемую энергию, а не на молнию, однако, в молнию их найти будет легче всего. Обычно один громоотвод всходит на свободном участке чащи: лужайке, месте сруба деревьев, т.д.

Как только он взойдёт, синие лепестки бутона вытянутся вверх, но он будет оставаться закрытым, пока угрозы молнии не предвидится. Он будет менять своё положение, выслеживая её, а затем, когда молния захочет ударить — бутон раскроется, притягивая в себя энергию. На месте удара остаётся небольшой кратер, большая часть энергии уходит через вытянутые корни в землю, поэтому огонь на месте удара не появляется. Если цветок не поймал молнию за время грозы — его бутон увядает в течение одного часа. Тот, кто успеет срезать его живым, может приготовить отвар «молния в банке», который высоко ценится королевской стражей.

Применение: банку с отваром не открывать. При приближении врага плотно закрытую банку встряхнуть и кинуть. Если погода облачная, как только стекло лопнет — в это место ударит ошеломительная гроза.»

Инструкция по приготовлению была вырезана из тома, однако Агний помнил её наизусть.

— Один лепесток громоотвода, 20 миллилитров стабилизирующей вытяжки… — проговаривал он, закладывая дрова в печь. — Температуру выставить так, чтобы ладонь можно было держать у огня не более трёх секунд. В целях безопасности готовить днём, в ясную погоду и при отсутствии ветра с северо-…

Вдруг из спальни послышался звонкий треск. Александра, пытаясь дотянуться до тлеющей лампы, уронила на пол настольное зеркало. Осколков не было, но стекло покрылось паутиной трещин.

— Почему ты не спишь? — спросил подоспевший Агний.

— Мне подумалось, ты ушёл.

В углу комнаты стояло старое, заваленное покрывалами кресло. Травник освободил себе ложу и устроился поудобней.

— Засыпай, я буду в этой комнате до утра.

Александра поправила под собой подушку и впервые за их встречу сверкнула глазами во тьме, поймав на себе взгляд травника, но лишь на мгновение.

— Ты тоже ложись, на стуле спать неудобно... — прошептала она, проваливаясь в сон.

Ночь шла. Луна протиснулась в щель между штор и посмотрелась в треснутое зеркало, отражаясь тысячей ликов по всей комнате. Погладила девушку по лицу, пролилась с кровати на подлокотник, где покоилась рука Агния, которую она явно не ожидала здесь встретить.

Солнце не спешило вставать. Оно медленно карабкалось по горизонту, пробиваясь сквозь наплывшие с севера тучи.

С каждым шагом за ноги цеплялся липучий мороз половиц. По печи больше не прыгали огни, от вчерашних дров осталось лишь небольшая кучка пепла. В лучах рассвета Агний приметил топор, стоявший в деревянном ведре. Взяв в одну руку ведро, а во вторую топор, он вышел на улицу.

Утренний мороз покрыл руки мурашками. Вдохнув полной грудью, Агний пошёл к колодцу, пиная по пути опавшие яблоки. Отставив в сторону ведро с водой, что пойдёт на утренний чай с мёдом и травами, он принялся за дрова.

Вокруг пня для рубки валялись толстые брёвна, покрытые тупыми ударами, но не расколотые до конца. Один за одним они превращались в будущее тепло для этого похолодевшего дома. Взмах за взмахом травник колол дрова, словно не прошло тех долгих лет, что прошли в мгновение ока. Погрузившись в воспоминания, он не заметил, как работа кончилась — оглянулся в поиске пропущенных брёвен, но наткнулся взглядом на застывшую у штор фигуру. «Александра» — выдохнул Агний. Огоньки вспыхивали в её бездонных глазах, словно в тём-

ной печи. Она смотрела на травника и, казалось, не могла поверить, что он настоящий, что он приехал.

Александра ждала на пороге, пропуская Агния с полной охапкой дров. От её платья веяло обожжённой мятой, терпким мёдом и молотыми орехами.

— Я сейчас заварю тебе чай, только печь растопится.

Они стояли посреди комнаты и молча смотрели на разгорающееся в печи пламя. Александра всегда умела выглядеть безупречно: вне зависимости от времени суток, места и состояния, Агний видел её прекрасной. Однако, как бы она не чаровала своей красотой, Агний знал её немного лучше, чем остальные. Пусть она выглядела молодо, хитро и живо, пусть возраст не искажал её лица и кожи рук — одно в ней неизбежно изменилось. Огонь, некогда пылавший в её глазах, ослаб. Угас настолько, насколько угасает человеческая душа в последнюю неделю жизни, изуродованная изнурительной болезнью. Они сели за стол, посреди которого стояла расписная чаша с красными яблоками. С минуту стояла тишина, пока Александра не разрушила её:

— Спасибо тебе, что приехал. Тётушка часто тебя вспоминала, просила написать первому после смерти. Я так и сделала.

— Правильно. — Агний взял яблоко и начал крутить его в руках. — Этот дом теперь твой?

— Да, она оставила в наследство мне всё имение. Я думаю о продаже.

— Серьёзно?

— Какой толк от такого большого дома, если…

Не успела она закончить, как оба столкнулись взглядами, замерев. Агний больше не дёргался, не искал по углам свидетелей его слабости — он блуждал по тропам её болота, искал среди них что-то знакомое, потянулся за вторым яблоком и столкнулся с ледяной от страха рукой. Оба дёрнулись, как ошпаренные, когда на печи засвистел чайник. Комнату окутал запах чёрной смородины, мяты и жареного чабреца.

— Я должна тебе кое-что показать.

Не отрывая взгляд, она медленно обхватила вырез платья и потянула малахитовую ткань вниз. Лучи солнца обжигали бледную кожу, по которой тянулась одинокая чёрная нить. Вдруг, травника ослепило — лучи солнца отскочили от ключа, что висел на её шее.

— Она сказала, что ты знаешь, от чего он.

Травник прищурился, вызвав явное возмущение на лице Александры.

— Я не имею ни малейшего представления.

— Что же, — она протянула Агнию ключ и сняла с печи чайник, — теперь он твой.

Травник перебирал воспоминания, отпивая горячий чай.

— Этот ключ должен много значить, раз тётушка попросила тебя связаться со мной.

— С момента, как она заболела, я готовилась к отправке этого письма. Ты не представляешь, как тряслись мои руки. — она тяжело выдохнула и покачала головой. — За тобой никто не следил?

— Никто. — отставил он чашку в сторону. — Главное, что Эбигейл...

— Она уже совсем большая? — перебила вдруг Александра. — Она, как и хотела, пошла по твоим стопам?

— Она думает. — сказал травник, покачав головой. — Я учу её, она помогает готовить отвары, но мечтает, как Феофан, охотиться на чудовищ.

— Кто не мечтает быть как Феофан… — усмехнулась Александра и выглянула в окно.

В просветах забора бегала детвора, блуждали жители и проезжали редкие повозки. Издалека доносился смех, брань и шутки, а яблони у забора, как им и полагает, беднели. Воришки-братья, жившие по соседству, уже убежали к реке и делили награбленное. Покой и обыденное

счастье текло через крохотную северную деревню, но даже в таком месте не всем доставалось испить его вдоволь.

— Мне не стоило просить тебя остаться, Агний…

Не позволив себе ни взгляда, ни слова, травник поднялся из-за стола. Сжал в руке яблоко и скрылся во тьме коридора, оставив чай недопитым.

Окно библиотеки выходило на задний двор, где спели яблони и цвели за ними поздние сорта вишни. Забор был усажен малиной и чёрной смородиной, в которой они с Александрой копались когда-то очень давно. Тётушка М всегда подкладывала Агнию цветы, когда он до ночи сидел в библиотеке. Один образец он всегда оставлял на гербарий, а остальные дарил Александре. Они ходили вместе по грибы, жарили мясо на речке и писали до ночи отчёты, пока она не засыпала с пером в руке и не просыпалась под шёлковым одеялом. Агний не любил вспоминать сколько прошло лет с тех пор, но и забыть было практически невозможно.

Он аккуратно вытаскивал книги, читал названия и ставил обратно. Вот потёртое «Гербарное дело. Том 1», за ним «Бестиарий лесов дальнего севера», что своим переплётом прилип к запылённому трактату, обложка которого была полностью заляпана чернилами. Ещё несколько минут он переставлял книги с полки на полку, сдувая пыль с переломанных корешков. Тётушка М любила прятать ценности в библиотеке, ибо только они с Агнием открывали её, однако в этот раз она была пуста.

Сжав со всей силы ключ в руках, он пошёл обратно по коридору.

Пар со вкусом чёрной смородины поднимался вверх по мокрым щекам Александры. Лучи солнца переливались в её слезах, но Агний не был их свидетелем. Он стоял у порога, держась за дверную ручку, собираясь с мыслями.

— Прости, прости…Это всё я! Я! — донеслось с кухни. — Какая я слабая! Прости меня!

Стиснув зубы, Агний отворил дверь.

Вдалеке кричали вороны. Агний остановился у калитки и проводил взглядом поместье, как вдруг шум колёс заставил его обернуться. К четвёртому дому приближался караван. Длинная цепочка повозок, увешанная ящиками, шкурами, одеждой и драгоценностями петляла меж улиц деревни подобно змее. В своём животе она расположила пару карет с купцами, дремавшими после плотного завтрака.

— Тебя как в эту глушь занесло, Травник? — крикнул кучер во главе каравана, останавливая лошадь, — Тебе что, в своей добра мало, чужие уже обираешь?!

Смех извозчиков заставил воронов вспорхнуть с ветвей сада. Казалось, они появились словно из ниоткуда. Агний стряхнул с себя нечто, что так усердно высматривал в его лице кучер, и подошёл к первой по счёту повозке.

— Подбросите? — протянул он руку вверх.

— Ну а как же, к тебе едем всё-таки. Но-о!

Лицо кучера напоминало разделочную трактирную доску: такое же плоское, изрезанное и пропитанное небылицей. Оно улыбалось в свои три и два зуба, торчащие сверху и снизу, когда руки его замахнулись, хлыстнув по спине лошадь. Голова двинулась, чёртова дюжина повозок тронулась следом. Позади Агния люди в дорогих костюмах считали вполголоса налог, пересчитывая по пальцам бочки с вырезанным на них «полусладкое», ящики с одеждой, кожей и сувенирами. Считали всё, что везла соседняя повозка: оленьи рога, амулеты, колбы с отварами. За ними ехала, как тому полагает, охрана, а вот дальше... Накрытая тканью повозка и кучер, рядом с которым сидели двое охотников на чародеек.

— Что, хочется посмотреть? — кивнул кучер, — Там зрелище жалкое, не стоит. Эту нам отправили на казнь, ты слыхал уж про указ новый?

— Пришлось. — ответил он безучастно.

— Никому не нравится, но что поделать! Вот я тебе что скажу. Чародейка эта нас только медлит. Люди постоянно напряжённые, даже переночевать спокойно нельзя, у половины вон, глаза смыкаются на ходу. Боятся, что околдует их, бараны необразованные!

Кучер обернулся назад и прокричал, чтобы весь караван услышал:

— Боятся, что девчонка в кандалах их околдует и они своего соседа за жену примут! А-ха-ха-ха-ха-ха! — захохотал он, спугнув всех животных в округе. — Так вот, мы бы её сбросили у вас в деревне, да и поехали с чистой душой!

— У меня в этот раз отваров немного.

— Да ладно тебе! Это за прошлые заслуги благодарность!

— Мы её наконец-то казним-с? — послышался голос упитанного господина, высунувшего голову из окна кареты.

— Да, как следующую деревню выкупим! — отозвался кучер.

— Только я хотел бы срезать волос, дочурка просила сувенир. У вас в деревне есть хороший цирюльник-с? Хотя нет! — поднял он мизинец вверх. - Я сделал бы это сам!

Агний и кучер переглянулись, не проронив ни слова.

***

Лошади тяжело дышали, упорно двигая повозку с храпящими купцами. У кучера слипались глаза. Он щурился, пытаясь разглядеть дорогу впереди, но безуспешно.

— Остановка! — рявкнул он, бросив вожжи в сторону.

Одна за другой повозки завернули на небольшую полянку, в сердце которой ютилось тлеющее кострище.

Товарняк встал полукругом на поляне, а замыкающие — напротив, по ту сторону дороги, там же остановились и охотники. В свете ламп за изношенными волчьими шкурами проглядывался облик металлической клетки, в которой обычно перевозили диких животных или особо непослушный скот. Луна вышла из-за облаков, её свет пролился сквозь хвою деревьев на силуэт, что пытался выбить из огнива искры.

Купцы уже спали, откинувшись на бархатных сиденьях карет, извозчики собрались у занимающегося костра, а охотники, приподнимая волчью шкуру, о чём-то шептались. Ночь брала своё. Путники проваливались в сон под треск и щёлканье раскалённых лучин, накрытые звёздным одеялом и одним большим-большим ночником. Агний не отрывал глаз от повозки: полотно время от времени аккуратно дёргалось, точно ветер пытался стянуть его вниз и обнажить чудовище, скрывавшееся под ним. Было это настолько неуловимо, что измученные дорогой охотники не обращали внимание. Две лампы, висевшие на концах повозки, грели их макушки, медленно опускающиеся вниз.

Агний лёг на бревно, положил руки под голову и вдохнул прохладный дымный воздух. Перед ним расстилалось полотно безграничного неба, полного далёких светил во главе красавицы Луны. Казалось, достаточно вытянуть руку и прикоснёшься к чему-то необузданному. Казалось всем, да не травнику, чей глаз приковали всего два недалёких светила, покачивающихся на лёгком ветру.

— Травник, у вас как с чародейками в деревне? — прозвучал сиплый голос у костра.

— Не видали. — повернулся травник к старику, что грел над пламенем белый гриб.

— Везёт вам. У нас в городе целая катастрофа, каждую неделю новых находим, такими темпами в темницах место кончится, придётся на месте казнить.

Он откусил с обугленной шпажки гриб и его сок брызнул на угли, поднимая в воздух дурманящий запах лесного существа. На мгновение Агния утянуло в воспоминание, где они с Александрой сидели бок о бок у костра и пахло так маняще жареными грибами, и была такая ночь, о которой только в книгах и пишут… Пелена прошлого застелила глаза, но, помотав головой, он откинул её обратно.

— А эту за что? — спросил Агний, кивнув на повозку с тремя лампами.

— Нам много не рассказывают, но я слышал, что она пыталась пробраться в здание университета, на кафедру травоведничества. Хотела выкрасть что-то. Рецепты зелий, наверное, али травы какие.

— Прямо на кафедре и поймали?

— Да если бы. — старик стянул с ног ботинки и вытянул носки к жару костра. — Она успела их кому-то передать перед задержанием, сейчас расследование в городе идёт, пытаются установить, чего на кафедре не достаёт.

— А ещё говорят, дала такой бой, что двое до сих пор в госпитале лежат. Нам не говорили, что с ними, правда. — проснулся второй.

— Так никто и не скажет! — перебил их третий извозчик, что вертел в руках походный нож. — У меня жена врачевательница, она одного из них обрабатывала. Бедный малый. Ни с кем не разговаривает, всё лицо в порезах глубоких, а как своего напарника видит — сразу кричать начинает. И взгляд у него такой... Никакой! Пустой, что ли...

Все тяжело выдохнули.

— Ничего, пока она в кандалах, бояться нечего. — обрубил старик и повернулся спиной к костру, укрывшись самой тьмой.

В глубине леса изредка перекрикивались вороны, ломая под собой мёртвые ветки. Костёр потрескивал, обжигая лучинками сапоги извозчиков. Агний повернулся лицом к пламени, и его грудь обдало теплом. Сердце забилось чуть чаще и воздух прогрел нутро. Было так тепло, словно он лежал на печи, что топят для варки картофельного супа с мясом ежа и свежесрезанными травами, как они когда-то ели в этих краях на учебной практике. Тёплые воспоминания грели душу… точнее сказать — обжигали! Агний отодвинулся в сторону от костра, но тепло продолжало нарастать. Он открыл глаза: костёр был обычным, даже слабым по здешним меркам, но что-то невероятно жгло сердце и грудь.

«Уголь подложили что ли?»

Наскоро он расстегнул рубаху и вытряс всё содержимо на землю. К его удивлению, никакого раскалённого угля на земле не оказалось. Лишь ключ, доселе лежавший в нагрудном кармане, теперь переливался в свете угасающего костра.

— Как ты смог так нагреться? — осмотрелся Агний по сторонам.

Извозчики спали как убитые. Их сон, казалось, не прервать даже пороховой бочкой. Купцы всё так же расплывались в своих каретах, обёрнутые в овечьи шкуры, сшитые надвое, ибо одной им очень часто не хватало. Да и последнее, чего им хотелось после изнурительного путешествия — издеваться над травником, у которого они вот-вот будут скупать отвары! Агний потянулся за ключом, как вдруг в кустах кто-то дёрнулся. Травник схватился за пояс с пробирками и замер, втиснувшись ногтем в пробку, готовый открыть её в любой момент.

Тишина окутала поляну. Костёр был слишком слаб, чтобы трещать, ветер слишком низменен, чтобы выть. Даже храпящие извозчики — все как один мирно вдыхали лесной воздух, не издавая ни звука. Единственное, что слышал Агний — стук своего сердца. Лес застыл. Притаился, готовый напасть. Вот-вот и деревья обрушат шквал шишек, и все мелкие создания прискачут, готовые покусать за ноги и руки. Из-под куста что-то медленно покатилось по холодной земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.